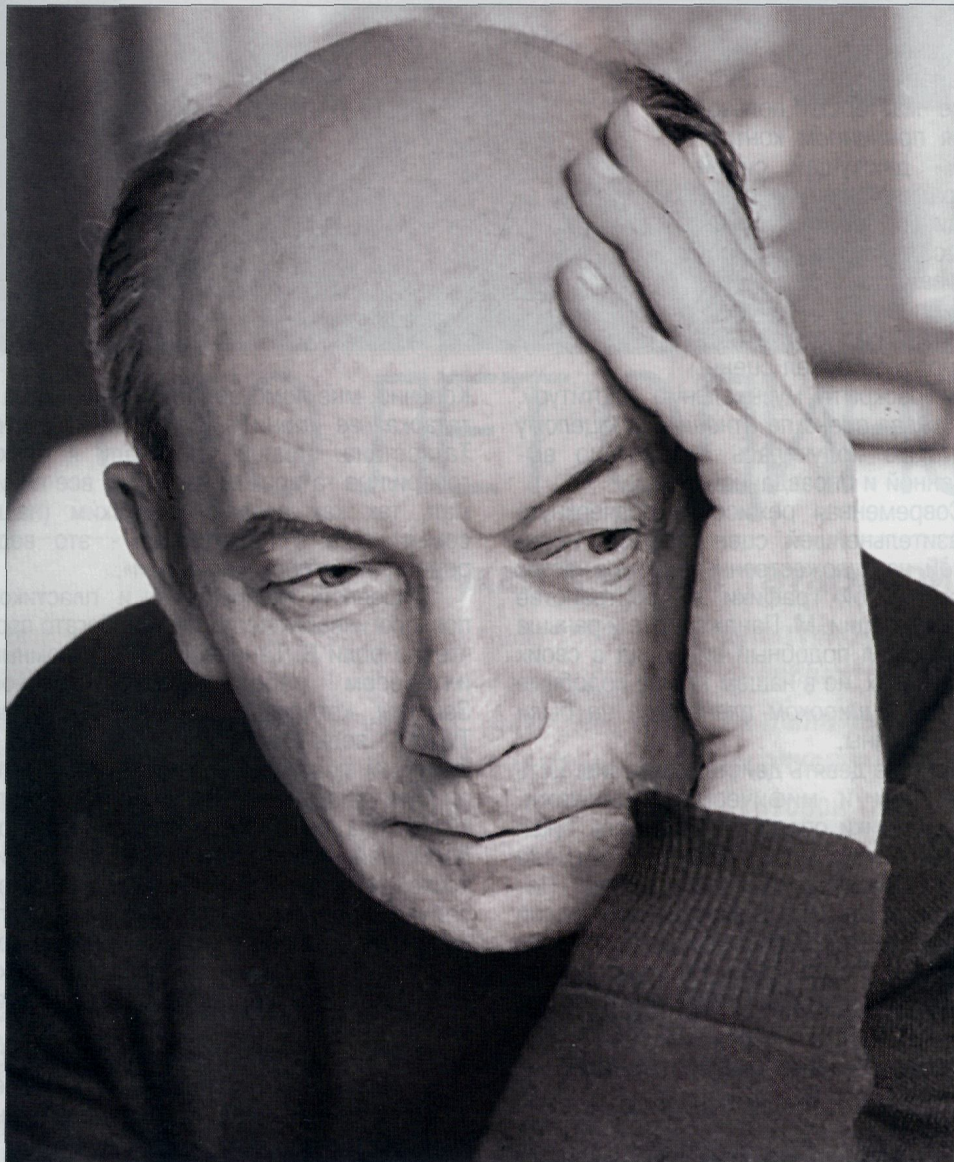

РОВЕСНИК ВЕКА

(Из воспоминаний о Гумере Баширове)

восхищали и служили живым примером их кристальная честность, их преданность делу литературы, их умение сносить жизненные невзгоды и не гоняться за длинным рублем.

Старшее поколение татарских писателей прошло через революции и войны, голод 1921 года.

Они были интересны и сами по себе - просто как личности, а не только тем, что написали.

Вот почему их душевный настрой, интонации их живого голоса, не говоря уж о поступках, - все имеет значение. Даже если я в чем-то был с ними не согласен, спорил, протестовал, все равно они были для меня образцом служения делу литературы, демонстрировали модель поведения. При всех своих чисто человеческих слабостях они были не просто коллегами по литературному труду, но знаковыми фигурами эпохи. Ибо за каждым из них стоял недюжинный талант, человеческое обаяние, душевность, умение работать несмотря ни на какие гонения и материальные трудности.

Конечно, время не стоит на месте. Нарождаются новые таланты, в литературу приходят новые неординарные личности. Но ни привязаться к ним душой, ни тем более преклоняться перед ними я уже не могу.

Синяя дымка времени отодвигает ушедших все дальше и дальше. Уходят и люди, знавшие их. Со временем их фигуры все больше мифологизируются. Но это и хорошо. Пусть в памяти народа о них останутся такие же светлые мифы, как о казанской царице Сююмбике.

Обычно об ушедших писателях вспоминают в дни круглых юбилеев. Зачастую это дежурные отписки: факты биографии, перечисление наиболее крупных и значительных произведений, общие слова. А мне бы хотелось, чтобы об ушедших помнили как о живых. Они этого достойны. Особенно такой мудрый аксакал, как Гумер Баширов.

НА СОРОК С ЛИШНИМ ЯЗЫКОВ

Гумер ага не раз говорил, что родился в первую неделю первого месяца первого года XX века (7.01.1901). И прожил прак-

серьезного, молчаливого аксакала Гумера Баширова...

Долго еще можно перечислять тех, с кем я тесно общался день за днем и кого уже нет среди нас: Наки Исанбет, Фатых Хусни, Абдурахман Абсалямов, Габдрахман Минский... Нет даже следующего за ними поколения - Гарифа Ахунова, Аяза Гилязова, Мухаммеда Магдеева, Ибрагима Салыхова, Ильдара Юзеева и многих, многих других. Кем они были для меня? Если не идеалом (у каждого были свои недостатки), то уж, во всяком случае, образцом для подражания. Меня всегда

ЗА СИНЕЙ ДЫМКОЙ ВРЕМЕНИ

Так остро, так болезненно ощущаю отсутствие старшего поколения татарских писателей. Нет уже ни Мирсая Амира с его обезоруживающей улыбкой и простоватой деревенской походкой... Ни маленького, худенького Сибгата Хакима с его всегда высоко поднятой головой... Ни спокойного, рассудительного Амирхана Еники - единственного, кажется, писателя из татарских дворян - «чабаталы морза» (князь-лапотник), как он сам себя называл. Нет ни наивного, как ребенок, и столь же чистого душой Хасана Туфана, ни

тически до конца этого века (скончался 7 мая 1999 г.). Хоть в местную книгу рекордов заноси! Никто из татарских писателей ни до, ни после Гумера Баширова не жил так долго - почти сто лет.

Но рекорды писателя этим не исчерпываются. Его роман «Намус» («Честь») (1947) впервые в нашей литературе получил невиданно широкий, поистине мировой отклик и был переведен на наибольшее количество языков - более сорока. В том числе и на такие мировые языки, как английский, французский, немецкий, испанский, китайский. Гумер ага показывал мне в своей домашней библиотеке издания в самых разнообразных переплетках.

- Этот томик издан в Тиране на албанском языке. Эта книга в Софии на болгарском... Здесь указано место издания - Будапешт. Значит, на венгерском языке. А эта - не сразу разберешь... Ага, город Ханой, выходит, на вьетнамском. Это Пекин - на китайском. Кстати, в Китае мой роман переиздавался четыре раза: один раз в Пекине и три раза в Шанхае. Причем массовыми тиражами. Китайским читателям наша литература особенно близка по духу...

Эта книга издана в Берлине на немецком... Эта в Варшаве на польском. Вот издания в Бухаресте, Братиславе, Праге... Моя Нафиса (героиня романа «Честь») заговорила на самых разных языках, даже на хинди...

Кстати, на немецком и чешском языках роман также переиздавался по два раза.

Помимо этого, «Честь» была переведена практически на все языки народов СССР и выходила отдельными книгами на украинском, казахском, узбекском, азербайджанском, киргизском, латышском, эстонском, чувашском и других языках. Я уж не говорю о русском - в Москве роман издавался более десятка раз общим тиражом более миллиона экземпляров. К этому надо добавить добрый десяток изданий на родном языке, включая полные собрания сочинений Гумера Баширова.

Это произведение вошло в школьные хрестоматии, его исследованию посвящены кандидатские и докторские диссертации. Одна лишь библиография литературы о романе «Честь» насчитывает сотни названий газетных и журнальных статей, рецензий, полемических выступлений и читательских откликов.

А ведь издание романа в Татарстане поначалу было встречено довольно про-

хладно. Кое-кому в Татарском обкоме КПСС показалось, что автор слишком подробно описывает личные переживания своих героев, тогда как во время войны они должны были все свои силы и все помыслы отдавать делу Победы. В этих умах еще слишком крепко сидел лозунг: «Все для фронта, все для Победы!»

24 ноября 1947 года Гумер Баширов записал в своем дневнике: «Наконец, закончил свой «Намус» и отнес в редакцию журнала «Совет эдэбияты». Впервые в жизни чувствую, что выплеснул то, что хотел выразить, что наболело на душе и притом так, как мне хотелось...»

В начале следующего, 1948 года роман «Честь» занял первое место на конкурсе, посвященном 30-летию Великого Октября, и был удостоен премии в 30 тысяч рублей. Но вскоре после этого начались странные вещи.

13 октября 1948 года в газете «Кызыл Татарстан» появилась рецензия «О романе «Честь» за подписью известных писателей и критиков Ф. Хусни, Ф. Балыкчы, Ф. Мусагита. Это была разгромная статья, в которой автор обвинялся в «искажении советской действительности». Рецензенты писали, что герои романа «показаны не на должном уровне», и вообще это произведение «слабое, неудачное».

В начале 1950 года роман «Честь» вышел в переводе на русский язык. Вскоре (11 апреля 1950 года) в газете «Красная Татария» вышла рецензия А. Ясницкой «Не искажать правды жизни!» Как видно из названия, критикесса не оставила от романа камня на камне и обвинила автора в «идеологической отсталости».

Впрочем, авторы этих выступлений не столько выражали свое мнение, сколько

выполняли идеологический заказ сверху - от «непогрешимого» обкома.

И вдруг в 1951 году, всего несколько месяцев спустя, роман удостоился Сталинской премии. Об этой истории сам писатель рассказывал мне так.

Осенью 1950 года секретарь татарского обкома ВКП(б) Хаджи Рахматуллин дежурил у телефона. Как тогда было принято - ночи напролет. Часа в два ночи вдруг раздался звонок из Москвы:

- С вами будет говорить Иосиф Виссарионович!

Хаджи Рахматуллин лихорадочно схватил со стола сводки о ходе уборочных работ и хлебосдаче, полагая, что речь пойдет об этом. Волновался, конечно. Говорить с самим великим Сталиным - не шутка.

Но вот телефон зазвонил снова. В трубке раздался неторопливый, чуть хрипловатый голос.

- Здравствуйте...

Рахматуллин невольно вытянулся постройке «смирно».

- Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!

- Как ваше фамилие?

А секретарь до того разволновался, что забыл собственную фамилию. С трудом выдавил:

- Рах...Рах... Рахматуллин.

- Ви, товарищ Рахматуллин, читали роман Гумера Баширова «Честь»?

К счастью, Рахматуллин читал роман, о чем и сообщил вождю.

- Ну и как по-вашему, что это за произведение?

По тону Сталина Рахматуллин понял, что он интересуется не случайно и что отвечать надо в положительном духе.

- По-моему, неплохое произведение, Иосиф Виссарионович!

Но Сталин этим ответом не удовлетворился.

- Неплохое или хорошее?

- Хорошее, хорошее! - тут же согласился Рахматуллин.

- А если так, то пачему ви не видите этот роман на Сталинскую премию?

Рахматуллин совсем растерялся. Но вспомнил, что роман уже получил одну премию от Союза писателей, и сообщил об этом Сталину.

Роман «Намус» («Честь») (1947) впервые в нашей литературе получил невиданно широкий, поистине мировой отклик и был переведен на наибольшее количество языков - более сорока.

- Мы думали, что этого достаточно...

Сталин долго молчал и был явно недоволен этим ответом.

- А все-таки ви еще раз падумайте, товарищ Рахматуллин... Крепко падумайте! До свиданья.

Надо ли говорить, что после такого звонка отношение к роману в корне изменилось. Роман тут же выдвинули на Сталинскую (позже она стала называться Государственной) премию. В печати одна за другой стали появляться хвалебные рецензии.

Я поинтересовался у Гумера Башировича, каким образом Сталин обратил внимание на это произведение. Что, у него других дел было мало? Писатель ответил на это так.

- Чего у Сталина не отнимешь - он много читал. Каждый вечер ему оставляли пачку новых книг - штук 10-15. И за ночь он их все, может, и не прочитывал, но просматривал. Книг всегда издавалось много, так что дело зависело еще и от отбора. В то время в секретариате Сталина работала одна татарка. Вот она и

стало Гумера Баширова, справедливо признанного классиком татарской прозы. Об этом, как я уже упоминал, существует множество публикаций и капитальных исследований.

Хочу рассказать о другом. На творческих дачах «Лебяжье озеро» наши дома были по соседству, так что я общался с писателем в течение многих десятилетий и довольно часто.

Гумер ага вел, как сейчас говорится, здоровый образ жизни. Не курил и практически не пил. Разве что по большим

читателей. Всегда ли у меня это получалось? Нет, далеко не всегда. Все же иногда получалось - и то хлеб...

Что в литературном произведении главное? Дать свое понимание мира и людей. Именно свое - в этом вся соль. То, что увидел и прочувствовал сам, что прошло через твоё сердце. Это может расходиться с общепринятыми мнениями. Но бояться этого не следует.

Мои представления о жизни? Об этом тоже уже много сказано, так что вряд ли можно высказать что-то оригинальное. Главное - помнить: в мире существуют не только добро, любовь, дружба, но и зло, вражда, холодное равнодушие. Так вот, наша задача, задача писателей - делать так, чтобы первого было побольше, а второго - поменьше. Нет, искоренить зло полностью никогда не удастся. Но как-то прижать его, осудить, заклеить - можно. Хотя и небезопасно. Можешь сам нарваться на осуждение и даже ненависть. Но бояться этого не нужно. Иначе незачем и браться за перо.

О чем я сейчас больше всего думаю? О том, что существует не только жизнь - молодая, цветущая, но и смерть, с которой каждый рано или поздно останется наедине. Лучше, конечно, попозже. Но не всегда это зависит от нас. Одиночество перед лицом смерти - самое горькое из одиночеств. Помочь пережить его - задача религии и литературы. В этом отношении их цели смыкаются...

А вообще я тебе вот что скажу. Истина всегда конкретна. То есть в одной ситуации надо поступать так, а в другой - совсем иначе. Так что общие слова, общие выводы мало что значат. Если и значат, то их надо применять с умом.

Когда речь пошла о путях к успеху, Гумер ага философски заметил:

- В искусстве есть разные пути. Один из них - самый, пожалуй, распространенный: сначала любой ценой привлечь внимание к своей персоне. Как? Обычно скандалом. А что такое литературный скандал? Это чаще всего глумление над всем, что

Сталин долго молчал и был явно недоволен этим ответом.

- А все-таки ви еще раз подумайте, товарищ Рахматуллин...

Крепко подумайте! До свиданья.

подложила мою книгу в эту пачку. Потом мне рассказывали, что Сталин обратил внимание на предисловие. Один из московских критиков в целом положительно отзывался о романе. Но в качестве недостатка отметил, что автор, мол, излишне углубляется в психологические характеристики своих героев. Это было в духе того времени. Но Сталина это задело. Как умный человек и вдумчивый читатель он понимал, что углубленный психологизм - вовсе не недостаток, а наоборот достоинство художественного произведения. Это-то и заставило его прочитать роман до конца. Произведение ему понравилось, и он тут же позвонил в Казань. С этого и началось триумфальное шествие романа «Честь» по городам и весям планеты...

«ВОТ В ЧЕМ СОЛЬ»

Впрочем, это был не первый успех писателя. До этого широкий отклик получила повесть «Сиваш» о взятии Перекопа (1937 год). В повести описаны события, личным свидетелем которых был сам Г. Баширов - в то время рядовой красноармеец, участник Гражданской войны. Повесть «Сиваш» также была переведена на русский язык и выдержала несколько переизданий.

Еще больший успех выпал на долю повести «Родимый край - зеленая моя колыбель» (1967). Здесь воссоздана жизнь татарской деревни периода детства писателя. Повесть стала новым явлением в татарской прозе, т. к. начиная с 1917 года дореволюционная деревня изображалась у нас преимущественно в мрачных тонах. А в повести Г. Баширова татарская деревня живет богатой духовной жизнью, основанной на многовековых национальных традициях.

Впрочем, я не собираюсь анализировать все богатое и многогранное творче-

ствам Гумера Баширова, справедливо признанного классиком татарской прозы. Об этом, как я уже упоминал, существует множество публикаций и капитальных исследований.

Хочу рассказать о другом. На творческих дачах «Лебяжье озеро» наши дома были по соседству, так что я общался с писателем в течение многих десятилетий и довольно часто.

Гумер ага вел, как сейчас говорится, здоровый образ жизни. Не курил и практически не пил. Разве что по большим

праздникам мог опрокинуть стопочку. Писал в утренние часы, а не изнурял себя ночами, как многие. Работал медленно, вдумчиво, основательно. Он все так делал. Перемежал писание с физическим трудом - копался в огороде, сам до конца жизни таскал воду из колонки, топил печь, колотил и пилил дрова. Ложился и вставал всегда в одно и то же время. Короче, ни в чем не допускал излишеств.

Но меня в нем восхищали не столько умение жить правильно, сколько его накопленная годами мудрость.

... Теплый и тихий летний вечер... Все дела и заботы на сегодня закончены. Гумер ага сидит на скамеечке перед домом, дышит воздухом. Я подсаживаюсь к нему и в который уже раз начинаю допытываться, какие главные уроки он извлек из своей долгой жизни и что хотел бы передать нам, молодым. Знаю, что старики любят поговорить на эту тему. Но Гумер ага не из таких. Все самое заветное, выношенное он вкладывал в свои произведения и потому был немногословен, предпочитал отшучиваться:

- У каждого своя мудрость... Это как одежда. На одном она смотрится хорошо. А напяль на другого - и будет как на коро-

Что в литературном произведении главное? Дать свое понимание мира и людей. Именно свое - в этом вся соль.

ве седло... Понимаешь, что я хочу сказать? Что мудрость и опыт одного не всегда подходят для другого...

И все же, благодаря моим настойчивым напоминаниям, беседа постепенно принимает философское направление.

- Мудрости вообще не существует. Есть ум и опыт по конкретным проблемам. Что ты хочешь знать? В чем я вижу главную задачу писательского труда? Ну, это ты и сам знаешь: достучаться до сердца

до этого считали святым. Это вызывает гневную отповедь, разгромные статьи, убийственные рецензии. А автору только этого и надо. О нем говорят, спорят... Так приходит известность. А затем и незвонимость от той же критики.

Это, пожалуй, самый прямой путь. Гораздо труднее пробиться упорным трудом, кропотливой работой над словом... Я лично легких путей никогда не искал...

Впрочем, есть и еще один путь к славе

- вовремя, точнее, раньше времени умереть или трагически погибнуть...

В качестве примера он назвал певца Виктора Цоя, трагическая гибель которого в автомобильной катастрофе вызвала массовый всплеск интереса к его персоне. Позднее примерно то же самое произошло с принцессой Дианой.

Читал Гумер ага так же неторопливо, обстоятельно, как и писал. Считал себя консервативным реалистом, придерживающимся старых добрых традиций Галимджана Ибрагимова и Фатыха

- Прошлое становится частью духовной жизни народа только тогда, когда оно осмыслено. Художественно осмыслено.

Амирхана. В русской литературе - Льва Толстого и Тургенева. К так называемому модернизму и особенно постмодерну относился отрицательно.

- Меня раздражает их несерьезность, постоянный стеб, а порою и мат. Их презрение к авторитетам, ирония и скепсис меня шокируют. Для них нет разницы между тем, что отвратительно и что свято... Будь ты хоть педерастом, хоть педофилом, но только не благоразумным мещанином - вот их кредо. Это все не по мне...

Когда невиданную популярность получила песня Сары Садыковой «Жидегән чишмә» ("Родник Семиззвездья") на слова Гумера Баширова, я спросил у мэтра, как так получилось. Иные всю жизнь пишут стихи, а их никто не знает. А он никогда в жизни стихов не писал, написал единственное стихотворение - и сразу прозвучал на всю республику. Более того - на все районы страны, где живет татарское население. Гумер ага только загадочно усмехнулся и сказал, что искусство отличается от других областей жизни своей непредсказуемостью. И добавил:

- Поэзия у нас, у татар, занимает в общественном сознании вполне определенное место. Куда более значительное, чем на Западе.

Когда я спросил у него, что явилось побудительным толчком к созданию повести "Родимый край - зеленая моя колыбель", писатель ответил:

- Прошлое становится частью духовной жизни народа только тогда, когда оно осмыслено. Художественно осмыслено. А наше прошлое во многом фальсифицировано. Фальсифицированное прошлое - это пропаганда. Противопоставить такой пропаганде можно только правду жизни.

Увидев как-то у меня в руках новую книжку рассказов Рустема Кутуя, Гумер ага попросил ее почитать. Через пару дней вернул со словами:

- Писатель, несомненно, талантливый.

Даже очень талантливый. Но беда его в том, что он пребывает внутри собственного мозга.

- Как это?

- Он пишет все из себя. Из своих детских и юношеских ощущений, чувств, случайных впечатлений. Ему не хватает добротного жизненного материала. А возможности большие. Мог бы прогреметь на всю страну...

Основным недостатком современной литературы Гумер ага считал серийное мышление поэтов и писателей. "Стоит

таким перестать печататься, мелькать на экране, в газетах и журналах, и они тут же становятся "невспоминаемым прошлым..." В отличие от Тукая, Такташа, Туфана...

ДУБ

В писательском дачном поселке растет дуб. Могучий, раскидистый, толщиной в два обхвата. Его уже не раз и подпиливали, и ветки подрезали - чтобы не заслонял солнце садам и огородам. А он все равно растет, упрямо тянет к небу свои узловатые руки.

Как-то поздней осенью я собирал под дубом палую листву - на удобрение. Мимо проходил Гумер ага. Остановился, подошел к дубу, похлопал по его черной морщинистой коре ладонью.

- Знаешь, Рафаэль энем, сколько этому дубу лет?

- Нет... Надо будет спросить у биологов...

- А я и без биологов знаю - много. Когда мы в середине пятидесятых годов выбирали место для писательской дачи, я сразу обратил внимание на этот дуб. Он и тогда был точно такой же - толстый ствол, могучая и пышная крона... Тогда здесь были огороды дачников. Мы специально спланировали этот участок так, чтобы дуб

- В 1931-м...

- Представь себе, этот дуб уже тогда был почти такой же... А твой отец?

- В 1905-м.

- А дед?

- В 1879 году...

- Дуб тогда был, конечно, помоложе, в один обхват. Но все равно рос и процветал... А прадеда своего ты знаешь?

- Только по рассказам. Его звали Абдулла. Он был старостой нашего села Ново-Мусино. А село было большое - полтыщи дворов. Одних мечетей до революции у нас было шесть...

Точной даты его рождения я не знал. Но примерно в 1850 году или на год-два позднее. То есть лет сто пятьдесят назад. А дубу уже тогда было лет сто - сто пятьдесят. Я стал припоминать всех своих предков по мужской линии - вплоть до деда Курамши, который в восемнадцатом веке перевез семью из-под Пензы в дикие тогда оренбургские края. Получалось, что дуб по всем прикидкам ровесник этого далекого предка.

- Как здорово! Дуб - мой современник, вот он растет и даже снабжает меня отличным перегноем... И в то же время современник всех моих предков до десятого-одиннадцатого колена.

Гумер ага только молча улыбался, довольный тем, что натолкнул меня на эти размышления.

С тех самых пор дуб этот стал для меня символом связи времен, как бы живым стержнем, соединяющим прошлое и настоящее. Не зря ведь Гумер ага повторял: главное, чтобы не распалась связь времен... И все творчество Гумера Баширова воспринимается мною как подтверждение этого тезиса...

Нельзя сказать, что Гумера Баширова в свое время не ценили. Он был и руководителем Союза писателей республики, и депутатом Верховного Совета СССР, и делегатом знаменитого XX съезда партии, и лауреатом Государственной премии им. Г. Тукая. Читатели его знали и каждое новое произведение ожидали с нетер-

Гумер ага повторял: главное, чтобы не распалась связь времен... И все творчество Гумера Баширова воспринимается мною как подтверждение этого тезиса...

оказался ближе к краю, на самой границе... По моим прикидкам, ему не меньше 250-300 лет...

Я с восхищением смотрел не столько на дуб, сколько на Гумера ага. Тогда ему было уже больше девяноста лет. А все такой же крепкий, могучий и телом, и духом. Как этот дуб... А он продолжал:

- Ты в каком году родился на свет?

пением. Выражаясь современным языком, бренд «Гумер Баширов» был знаком высшего качества.

Но проходит время, прошлое отодвигается в тень, и самые громкие имена постепенно забываются. Так пусть же никогда не прервется связь времен!